

Р. Белоусов

Минувших дней очарованье

На крещение только что наступившего 1813 года Жуковский прикатил в Муратово, небольшое имение на Орловщине, где жила его сводная сестра Екатерина Афанасьевна Протасова с двумя дочерьми. Оставив по болезни армию, в которую вступил еще накануне Бородинского сражения, Василий Андреевич с радостью и надеждой в сердце возвращался к родным пенатам.

Встречать поэта вышли все обитатели муратовского гнезда.

Расцеловавшись с сестрой и младшей племянницей Сашей, он обнял старшую — Машу. За несколько месяцев, что они не виделись, она заметно переменилась. «Настоящая барышня, — подумал Василий Андреевич. — И то верно — ведь ей скоро уже двадцать».

Екатерина Афанасьевна, словно опасаясь, как бы не затянулась их встреча, да еще на людях, поспешила прервать «нежности», пригласив всех в дом.

Жуковский понял, что сестра не изменила своего решения и никогда не согласится на то, чтобы Маша вышла за него. Поводом к отказу Екатерина Афанасьевна выдвигала одно — закон Божий запрещает брак между родными. Ссылаясь на Священное Писание, она твердила: Жуковский сводный брат и ни один священник не станет венчать родственников.

На возражения, что он и Маша любят друг друга, родство их дальнейшее и, в конце концов, она находится в плену предрассудков, Екатерина Афанасьевна упорно стояла на своем.

Так началась мука его сердца.

Страстное желание обрести тихое семейное счастье побуждало размышлять о будущем. Он знал, что с Машей был бы счастлив. Ему мнилась жизнь своим очагом, в сельском уединении, вдали от светской суеты, в напряженном труде и радостных заботах. Но на пути к земному раю возникло это препятствие. И вот уже вопреки жизнерадостному нраву его спутниками все чаще становились грусть и уныние.

В нем все больше вырабатывается философия меланхолии; несчастье ко благу, страдание — искус, очищающий человека.

В надежде исцелить сердечную рану Жуковский покинул через некоторое время Муратово, полагая, что разлука все сгладит. Попытался прибегнуть и к другим рецептам, чтобы «вытоптать в сердце запавшее семя недуга». Упал на время — «царя врачевания», думал излечиться стихами — стародавним способом безнадежно влюбленных поэтов. Приходили в голову и черные мысли (что греха таить) о самоубийстве, не покончить ли с жизнью, как когда-то пораженные неизлечимой страстью бросались в море с Левкадийской скалы? И вновь искал утешения в творчестве, памятуя о лекарстве, прописанном Овидием: «Делом займись — и тотчас делу уступит любовь».

Неожиданно Екатерина Афанасьевна разрешила ему отправиться с ними в Дерпт. Сестра ехала туда вместе с младшей дочерью, к тому времени вышедшей замуж за его приятеля о А. Воейкова, определившегося на службу в Дерптский университет в качестве профессора. Маша ехала с ними.

Жуковский не верил своим ушам. В сердце вновь забрезжила надежда. «Кто бы мог ожидать такой перемены?», — не скрывает он своего радостного недоумения. «Маша, дай руку на счастье, — взывает Василий Андреевич. — Мы будем вместе, вместе! Как мило это слово после двух месяцев горькой мысли, что мы расстались!»

Будущее вновь представлялось ему в счастье принадлежать Маше, делить с ней жизнь. Словно кто-то шептал: все идет к лучшему, все образуется как надо.

Перемена настроения сказалась и на его занятиях поэзией. Недавно он жаловался, что перо его будто в параличе, а в воображении засуха. Теперь он признается, что по уши в стихах. Наступили спасительные дни творческого горения, подъема, Муза вновь посетила его. Он начинает «писать без памяти», всерьез задумывается о том, что надо быть стихотворцем в полном смысле этого слова. Работал так, что чуть было не извел себя до смерти. Много переводил, но главное — создал пять баллад, в том числе «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», знаменитую с тех пор «Эолову арфу».

Вчитываясь в их текст, слышишь отголоски мучительных разговоров поэта с сестрой, проступает непосредственно пережитое, постоянно возникает тема двух разлученных влюбленных.

Зачем, зачем вы разорвали
Союз сердец?
Вам розно быть! вы им сказали, —
Всему конец.

Не приходится сомневаться, что в стихах, тогда написанных, — поэтическая исповедь любви, своего рода комментариев к душевному состоянию поэта и событиям, происходившим в его жизни.

Однако напрасно Василий Андреевич уповал на то, что, разрешив ему приехать в Дерпт, сестра смягчилась и согласится отдать за него дочь. Напротив, Екатерина Афанасьевна ужесточила свое тиранство. Живя под одной крышей, они с Машей почти не виделись. Встречались лишь при всех во время завтрака или за обедом и чаем. Мать, словно цербер, не только зорко следила за тем, чтобы они не оставались наедине друг с другом, но и контролировала их общение за столом, вслушивалась в разговор, перехватывала взгляды. Это была особая пытка. Находясь рядом, встречаясь, Василию Андреевичу и Маше приходилось тем не менее прибегать к секретной переписке — своеобразной домашней почте. Из комнаты в комнату тайком передавались послания. Им запрещалось вместе ходить даже в церковь.

Эта нескончаемая, то и дело усиливающаяся душевная боль изнуряла и могла привести в отчаяние.

Первая не выдержала Маша. Когда ей предложил руку и сердце профессор Мойер — известный в городе врач и музыкант-любитель, дававший ей уроки, она готова была принять предложение. Маше казалось, что таким образом она разрубит гордиев узел их сложных с Василием Андреевичем отношений. При этом надеялась — они останутся друзьями, он будет, как и прежде, бывать и даже жить у них и все устроится.

Больше всего опасался Жуковский, что Маша выйдет не по велению сердца, а по принуждению, ибо ее толкали на это обстоятельства семейной жизни. Он пробовал отговаривать любимую от опасного, «ненужного пожертвования». Напоминал, что перед иконой она обещала не выходить замуж иначе, как по собственному выбору и никогда из-за послушания.

Когда Жуковский познакомился с Мойером поближе, то увидел, что это вполне достойный человек. Но любит ли он Машу? Как относится к ней, каков его характер? Сможет ли сделать ее счастливой? Человек ли он долга? И только убедившись в искренности чувства Мойера, Василий Андреевич с болью в сердце смирился с неизбежным.

После свадьбы Жуковский еще больше сошелся с Мойером, они стали «верными товарищами», у которых «общее дело» — счастье дорогой им обоим женщины.

Вначале Жуковский и в самом деле намеревался поселиться вместе с ними в Дерпте. Однако уже вскоре наступила тяжелая нравственная апатия, душевное состояние его ухудшилось. Роман жизни кончился, впору было начинать его историю. Что ни говори, поэзия — славный громовой отвод, рассуждает он. И надеется, что для него стихи станут тем лекарством, которое воскресит душу.

Но если раньше луч надежды еще брезжил в нем, то теперь им овладевает настроение мрачной безысходности. То же испытывает и Маша. Как ни старалась она похоронить свое чувство, сколько ни вживалась в свое полусчастье, не могла побороть себя.

Отголоски застарелой сердечной драмы отразились на всей любовной лирике поэта, окрасили ее в трагические тона, наложили печать скорби и явственно слышались в строках его меланхолических элегий.

В тени дерев, при звуке струн, в сиянье
Вечерних гаснущих лучей,
Как первья любви очарованье,
Как прелесть первых юных дней —
Явилась она передо мною...

Развязка наступила неожиданно.

Маша ждала второго ребенка, роды прошли неудачно, она скончалась.

Отчаянию Жуковского не было предела. Однако постепенно явилось сознание того, что ничто не могло ей помочь. Это было predetermined еще тогда, когда она решилась на жертву. И ее смерть — расплата за тот шаг отчаяния. Хотя гибель ее и случайна, по существу эта смерть — логическое завершение трагических обстоятельств.

Маша принадлежала к тем русским женщинам, для которых любовь, говоря словами В. Белинского, сказанными им о пушкинской Татьяне, могла быть или величайшим блаженством, или величайшим бедствием жизни, без всякой примирительной середины. Драма подчинения пылкого сердца холодному рассудку, попытка соединить, если хотите, пламень и лед неотвратно вели к печальному исходу. Маша не смогла разумом победить сердце; Василий Андреевич — избавиться от глубокого, единственного на всю жизнь чувства. Естественная страсть и взаимная привязанность их обоих оказались бессильными в столкновении с реальными условиями, с тогдашним укладом, с общественными предрассудками.

Читая «биографию сердца» Жуковского, убеждаешься, что душевная боль, горькое чувство утраты, все пережитое им — отнюдь не поэтический вымысел, что пел он печалью и любовью вдохновенный. Размышляя о необычной судьбе поэта, вспоминаются слова: камни падают, но то, что воздвигает душа в страдании своем, живет вечно.